

Мордехай Альтшулер

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ
О ХОЛОКОСТЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В ЭПОХУ СТАЛИНА*

В первое десятилетие после окончания Второй мировой войны *шеерит ха-плета* – «ущелевший остаток» еврейства Восточной Европы прилагал огромные усилия, чтобы увековечить память о Холокосте. Помимо сбора документального материала, выжившие организовывали мемориальные митинги, устанавливали памятные камни и знаки, – чтобы последующие поколения помнили об одном из самых трагических событий еврейской и человеческой истории. Однако долгое время казалось, что «ущелевшего остатка» советского еврейства эта тенденция не коснулась.

Большинство работ на эту тему вышли в свет за пределами СССР; не вполне свободные от политических соображений, они касались поведения советских властей в вопросах увековечения памяти о Холокосте, главным образом на примере установки памятника в Бабьем Яру в Киеве, причем евреи, как представляется, не играли в этом проекте сколько-то заметной роли¹. Лишь в последние годы, когда советские архивы стали несколько доступнее, исследователям впервые приоткрылась широкомасштабная деятельность по увековечению жертв Холокоста, которую вели советские евреи.

Вернувшись после войны в родные края, евреи считали своим правом и долгом увековечить память близких – изданием книг памяти, проведением траурных митингов и установкой памятников жертвам. Многие пытались таким образом выразить боль и отчаяние, вызванные трагедией европейского еврейства вообще и еврейства Советского Союза в частности. Родные и близкие многих советских евреев, в том числе и тех, кто до начала Второй мировой войны проживал вне районов, впоследствии оккупированных нацистами, были убиты во время Холокоста, и увековечение памяти погибших стало общим долгом простых людей и

* Эта статья была написана в рамках фундаментального исследования еврейской религиозной жизни в Советском Союзе после войны, проводившегося при поддержке Национального фонда науки, основанного Национальной академией наук Израиля.

¹ William Korey, *The Soviet Cage: Anti-Semitism in Russia* (New York: Viking, 1973), pp. 98–124.

высокопоставленных сановников, верующих евреев и нетерпимых к религии коммунистов. Холокост превратился в фактор, объединивший различные слои еврейского населения СССР. Поэтому неудивительно, что инициативы по увековечению памяти о Холокосте исходили снизу и носили местный характер; органы власти не принимали в них участия, более того, как правило, не одобряли их и всячески противились их осуществлению.

Многие, целиком потеряв свои семьи, полагали, что об увековечении памяти жертв Холокоста должен позаботиться Еврейский антифашистский комитет. Так, в декабре 1945 года генерал Давид Драгунский писал:

На моей родине [в местечке Новозыбкове]² немецкие изверги расстреляли всю мою семью – всего 74 человека из семьи Драгунских... Косточки моих сестер, детей валяются по полю, скот топчет их... [Следует р]азвернуть работу Антифашистского комитета по организации памятников расстрелянным детям, старикам, женщинам... Четырехлетний кошмар трудно забыть, надо построить везде ограды, памятники, надписи, указать даты [убийств]³.

По-видимому, Еврейский антифашистский комитет не отреагировал на предложение Драгунского и не стал заниматься проведением церемоний или установкой памятников. Инициаторами мемориальной деятельности были еврейские религиозные общины, которые представляли собой единственный легитимный орган еврейского самоуправления на местах и продолжили действовать и после роспуска Комитета в ноябре 1948 года. Об-

² Согласно переписи населения 1897 года, в Новозыбкове (в тот период – Черниговской губернии) проживали 3 836 евреев, составлявших около четверти (25,4%) населения местечка. С ростом населения города и миграцией евреев за его пределы относительная численность евреев уменьшилась. Перепись населения, состоявшаяся в январе 1939 года, показала 3 129 евреев, – только 13% от общей численности населения. Большинство евреев Новозыбкова не покинули город после начала советско-германской войны и оказались под нацистской оккупацией. 17 февраля 1942 года в городе состоялась первая акция, в ходе которой были убиты около 800 евреев (Илья Альтман, Ицхак Арад (ред.), *Неизвестная Черная книга*. Иерусалим–Москва: Яд Вашем, ГАРФ, 1993. С. 402).

³ Геннадий Костырченко (ред.), *Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история*. М.: Международные отношения, 1996. С. 108; Shimon Redlich (ed.), *War, Holocaust and Stalinism: A Documented Study of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR* (Luxemburg: Harwood Academic Publishers, 1995), p. 231. Я благодарю моего друга профессора Шимона Редлиха, обратившего мое внимание на этот документ.

щины возникли в большинстве городов и местечек, в которых собиралось еврейское население после освобождения от нацистской оккупации⁴, и увековечение памяти жертв Холокоста стало, прямо или косвенно, одной из важнейших сфер их работы. Эта работа общин и так или иначе связанных с ними людей выходила за рамки обеспечения культовых нужд населения, отведенные для деятельности религиозных общин государственными органами. К тому же посредством денежных пожертвований и личных связей с местными властями многие евреи превратились в активных участников деятельности по увековечению памяти о Холокосте, которая с формальной точки зрения велась религиозными общинами. Поскольку еврейские общины находились в ведении Совета по делам религиозных культов при СНК СССР и его областных уполномоченных, сведения о них можно найти в основном в архивных материалах этого учреждения, доступ к которым исследователи получили лишь в последние годы.

Помимо физического увековечения памяти жертв Холокоста, которая являлась наиболее важным и широко распространенным видом этой деятельности, общины неоднократно пытались публиковать свидетельства и списки погибших. В 1946 году община Львова начала сбор показаний уцелевших евреев, планируя опубликовать собранные материалы в 1947 году⁵. Община Винницы обратилась в горсовет с просьбой разрешить ей издать книгу с фамилиями евреев города, убитых нацистами. На полях просьбы председатель горсовета Петров написал: «Со стороны горсовета нет никаких возражений против издания книги о жертвах фашизма»⁶. Представляется, однако, что инициативы львовской и винницкой общин не имели продолжения, и работа в этой области сосредоточилась в основном на подготовке проекта «Черная книга», которым занимался Еврейский антифашистский комитет.

⁴ Yaacov Ro'i, "The Jewish Religion in the Soviet Union after World War II" // Yaacov Ro'i (ed.), *Jews and Jewish Life in Russia and Soviet Union* (Ilford: Frank Cass, 1995), pp. 264–289.

⁵ Отчет председателя общины Серебряного от 5 января 1947 года: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВУ). Ф. 4648. Оп. 2. Д. 33. Л. 138–139.

⁶ Письмо уполномоченного Совета по делам религиозных культов (далее – СДРК)

Мемориальные митинги

Один из первых таких митингов состоялся, по-видимому, в Харькове в январе 1945 года по случаю трехлетней годовщины страшного убийства евреев города. В ходе митинга община собрала 15 000 рублей на увековечение памяти жертв Холокоста⁷. Подобные собрания нередко вызывали сопротивление властей. В 1945–1946 годах община Новограда-Волынского неоднократно просила разрешить ей провести митинг на месте гибели евреев города, однако городские власти возражали⁸. В августе 1946 года евреи Каменца-Подольского попытались провести митинг в память годовщины уничтожения в городе 23 000 евреев в 1941 году, однако председатель горсовета Лемчук, по-видимому, в силу своих антисемитских взглядов, категорически запретил его проведение⁹. Члены общины не смирились с запретом и в июле 1948 года обратились с жалобой к председателю президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику и к председателю Совета министров Украины Н. С. Хрущеву. В своем письме они, в частности, писали:

В 1946 году, в день, когда мы все просили председателя горсовета дать нам возможность отметить трагический траурный день, когда наши матери, отцы и безвинные дети были в массовом порядке расстреляны и замучены, нам в этой просьбе, исходящей из глубины души сотен евреев, отказали... Неоднократные просьбы дать возможность скромно упорядочить братские могилы, где похоронены наши предки и отцы, и где заживо закопаны десятки тысяч наших родителей, братьев, сестер и детей, где земля содрогалась от ужаса и страха, пройдет еще год времени и нельзя будет узнать место, где в 1941 году немецкие палачи произвели неслыханную в истории человеческую трагедию, и ямы человеческих жизней зарастают бурьяном и травой и постепенно исчезает след и память наших дорогих сестер, матерей и близких,

в Винницкой области к заведующему областным отделом агитпропа от 1948 года о непонимании местными органами власти советской политики в области религии: Государственный архив Винницкой области (ГАВО). Ф. Р-2700. Оп. 19. Д. 35. Л. 27.

⁷ ЦГАВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 37. Л. 38.

⁸ Там же. Д. 301. Л. 77.

⁹ Жалоба евреев Каменец-Подольского председателю президиума Верховного Совета Украины от сентября 1947 года: там же. Д. 37. Л. 46.

и несмотря на эти законные требования, идущие от разбитых сердец сотен людей, от слез матерей, данный вопрос остался по сей день неразрешенным¹⁰.

Эта отчаянная просьба осталась без ответа, как и предшествующие, и власти отказались дать официальное разрешение на проведение митинга памяти жертв Холокоста, подобного тому, что состоялся за несколько лет до этого в Одессе.

В Богдановке (около 150 км от Одессы) во время немецкой и румынской оккупации были уничтожены десятки тысяч евреев. Их тела сожгли, чтобы замести следы преступления. Таков, в частности, был вывод официальной советской комиссии по расследованию преступлений нацистов, процитированный 30 апреля 1944 года в местной газете «Черноморская коммуна». Этой публикацией власти неявно признавали, что убиты были именно евреи, а не просто «советские граждане»¹¹. Д. В. Клинов, один из лидеров еврейской общины Одессы, по собственной инициативе поехал в Богдановку и собрал там прах убитых и остатки костей. От имени общины он обратился к уполномоченному Совета по делам религиозных культов с просьбой разрешить проведение публичного погребения 10 декабря 1946 года. Более того, он потребовал, чтобы объявления о предстоящей траурной церемонии были опубликованы в местной печати. Чиновник в местном отделении Совета не хотел самостоятельно принимать решение по этому вопросу и обратился к вышестоящему руководству в Киеве, откуда пришел строжайший запрет на проведение публичного погребения. В ответе руководства говорилось, в частности, что в Богдановке были сожжены люди различных национальностей, не только евреи, и поэтому «соответствующим органам» (то есть органам государственной безопасности) следует проверить, каким образом гражданин Д. В. Клинов смог собрать в Богдановке прах и кости убитых и распределить их по национальному признаку¹².

¹⁰ Жалоба общины Каменца-Подольского председателю президиума Верховного Совета Украины от сентября 1947 года: там же. Д. 37. Л. 47; Д. 52. Л. 92. См. также: Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 70. Д. 1172. Л. 5.

¹¹ Давид Стародинский, *Одесское гетто*. Одесса: Хайтех, 1991. С. 14–15. См. также: Ицхак Арад (ред.), *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944)*. Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд Вашем, 1991. С. 164–166.

¹² ЦГАОВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 37. Л. 66–68.

Таким образом, власти не только запретили проведение символической публичной церемонии погребения жертв Холокоста, но и объявили, что любая подобная попытка таит в себе тенденции, которые привлекают внимание служб безопасности. Они вполне справедливо видели в таких действиях проявление национальных или, выражаясь их языком, «националистических» устремлений. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов на Украине указывал в памятной записке о еврейской религии в 1947 году, что националистические устремления проявляются особенно часто в связи с братскими могилами, в которых погребены «патриоты нашей родины, замученные немецкими фашистами». Хотя хорошо известно, говорилось далее, что в этих могилах покоятся останки как верующих, так и неверующих людей различных национальностей, некоторые круги еврейской общественности стремятся представить эти места погребения исключительно могилами убитых евреев¹³.

Категорически возражая против проведения митингов памяти жертв Холокоста под открытым небом, в конце войны власти не только разрешали поминальные церемонии в синагогах, но даже поощряли такие инициативы. Так, было получено согласие на проведение 14 марта 1945 года поминальной молитвы по жертвам Холокоста в Московской хоральной синагоге. Тем самым соответствующие инстанции откликнулись на призыв главного раввина Палестины Ицхака Герцога, одновременно рассчитывая укрепить престиж раввина синагоги Соломона Шлифера. На церемонию пропускали по билетам, причем билеты распределялись в соответствии с указаниями властей. Присутствовали видные государственные чиновники, в частности, Полина Жемчужина, жена В. М. Молотова, сидевшая в молитвенном зале с мужчинами, высокопоставленные военные, литераторы, писавшие на языке идиш (Ицик Фефер, Шмуэль Галкин, Давид Гофштейн, Лейб Квитко)¹⁴, и даже выдающийся советский историк, выкrest Евгений Тарле. Поминальные молитвы *Кадеш* и *Эль мале рахамим* прочел Михаил Александрович, очень популярный в те годы в Советском Со-

¹³ Отчет о положении еврейской религии на Украине от июля 1947 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 132.

¹⁴ Хотя писатели участвовали в поминальной службе с явного или неявного разрешения властей, этот «грех» им все же припомнили в ходе судебного процесса над

юзе певец¹⁵. После поминальной молитвы в московской синагоге такие же службы состоялись и в других городах. 12 августа 1945 года еврейская община в Мозыре провела специальную молитву в память жертв Холокоста. Накануне церемонии приглашения были разосланы пятистам видным гражданам, евреям и неевреям, в том числе и мозырьскому священнику русской православной церкви по фамилии Романушко. Из пятисот приглашенных около трехсот пятидесяти были молодыми людьми; присутствовали также евреи – члены партии¹⁶, занимавшие важные посты в городской администрации. О предстоящей поминальной молитве сообщили по областному радио. В ходе церемонии было собрано 13 000 рублей на восстановление синагоги и 4 000 рублей на нужды советского Красного Креста. Звучали хвалебные слова в адрес Красной Армии и Сталина, которому участники направили приветственную телеграмму. В отличие от Москвы, в Белоруссии проведение службы подверглось резкой критике, и местные органы власти были обвинены в «политической близорукости»¹⁷. Учитывая неясность политики относительно поминальных служб в синагогах, община при Московской хоральной синагоге направила в декабре 1945 года в адрес большинства еврейских религиозных общин телеграмму следующего содержания: «Московская религиозная община сообщает, что верующие евреи всего мира установили неделю траура по жертвам фашистских палачей, начинающуюся 8 марта»¹⁸ (телеграмма была послана, разумеется, с разрешения властей). Таким образом, в 1946 году поминальные молитвы по жертвам Холокоста состоялись во многих синагогах Советского Союза, в том числе и в Хоральной синагоге в Москве. Однако в 1947 году особых поминальных молитв в синагогах, по-видимому, уже не проводили, хотя во время

членами Еврейского антифашистского комитета. См.: Владимир Наумов (ред.), *Неправедный суд – последний сталинский расстрел*. М.: Наука, 1994. С. 38, 115, 116.

¹⁵ Imanuel Mikhlin, *Ha-gahelet* (Jerusalem: Shamir, 1986), pp. 94–96; Михаил Александрович, *Я помню...* М.: б. и., 1992. С. 138–140.

¹⁶ Из них на молитве присутствовали начальник отдела кадров Полесского облисполкома Винокур и редактор областного радио Готловский.

¹⁷ Отчет уполномоченного СДРК в Полесской области за третий квартал 1945 года: Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 952. Оп. 2. Д. 2. Л. 84; Отчет уполномоченного СДРК в Полесской области с 1 октября 1945 года по 21 мая 1946 года: там же. Д. 5а. Л. 15–17.

¹⁸ Государственный архив Черновицкой области (ГАЧО). Ф. Р-623. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

традиционной молитвы в память умерших иногда читали общую поминальную молитву *Изкор* по жертвам Холокоста.

Почему же власти столь различно относились к поминальным церемониям по жертвам Холокоста в синагогах и за их пределами? По-видимому, это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, служба в синагоге может рассматриваться как часть религиозной деятельности, которая внутри молельного дома была разрешена и считалась законной, но за его пределами – строго запрещена. Во-вторых, участники поминальных служб в синагогах тщательно отбирались. Внутри синагоги легко было контролировать как присутствующих, так и ход церемонии, определенный и согласованный заранее, тогда как на месте казни события могли развиваться непредсказуемо.

Физическое увековечение

Траурные митинги и поминальные молитвы – уникальные, одноразовые события, тогда как монументы служат постоянным средоточием памяти и неизменным источником чувства солидарности с жертвами Холокоста. Поэтому не вызывает удивления особая чувствительность властей к установке памятников в местах погребения. Попытки устанавливать памятники начались еще до окончания войны, – например, идея монумента в честь бойцов Варшавского гетто родилась в Советском Союзе в 1943 году¹⁹.

Поскольку на оккупированной территории Советского Союза массовые убийства евреев происходили вблизи каждого города и местечка²⁰, действия по увековечению памяти жертв проводились повсеместно (сегодня нам стали известны лишь немногие конкретные примеры).

В Прибалтике советские власти часто терпимее относились к увековечению памяти жертв Холокоста, чем в других регионах Советского Союза²¹; это видно, в частности, из истории создания памятника жертвам Холокоста в Вильнюсе. В конце 1946 года

¹⁹ Nathan Rapoport, "Memoir of the Warsaw Ghetto Monument" // James E. Young (ed.), *The Art of Memory – Holocaust Memorials in History* (Munich: Prestel, 1994), p. 106.

²⁰ См.: Mordechai Altshuler, "The Unique Features of the Holocaust in the Soviet Union" // Ro'i (ed.), *Jews and Jewish Life*, pp. 171–211.

²¹ Причины этого отношения до сих пор не были изучены углубленным образом.

еврейская община Вильнюса обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов в Литве с просьбой разрешить привести в порядок братские могилы в Паняряй (Понарах) и установить там памятник. Лес Паняряй, расположенный в десяти километрах от Вильнюса, во время нацистской оккупации были местом казни десятков тысяч евреев, советских военнопленных и антифашистов. После освобождения территория оставалась в крайнем запустении, не отмеченная никаким памятным знаком. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Литве передал обращение общины заместителю председателя литовского правительства, порекомендовав ему удовлетворить просьбу и положительно рассмотреть вопрос об установке памятника (разумеется, по согласованию с главным архитектором Литовской ССР)²². По итогам этого обращения были установлены памятные знаки в местах казни евреев в ряде местечек Литвы (например, в Шете и Утяне), а также в городе Добеле в Латвии²³.

В соседней Белоруссии²⁴ также делались попытки увековечить память жертв Холокоста. В Минске были собраны деньги на постройку памятника; его строительство успешно завершилось благодаря тесному сотрудничеству между религиозной общиной и евреями, занимавшими видное положение в городском хозяйственном руководстве²⁵. После того как памятник с надписями

Такое исследование выходит за рамки темы настоящей статьи. См. примеры: Zvi Gitelman, "The Soviet Politics of the Holocaust" // Young, *The Art of Memory*, p. 141.

²² Письмо уполномоченного СДРК в Литве Пушиниса заместителю председателя Совета министров республики от 12 марта 1948 года: Центральный государственный архив Литовской ССР (Lietuvos TSR Centrinis Valstybinis Archyvas, LCVA). Ф. 12181. Оп. 1. Д. 26. Л. 77.

²³ Gitelman, "The Soviet Politics", pp. 144–145; idem, *A Century of Ambivalence* (New York: Schocken, 1988), p. 185.

²⁴ В недавно вышедшей в свет в Белоруссии книге упоминаются несколько населенных пунктов, в которых в описываемую эпоху были установлены памятники и памятные доски: города Борисов и Брест, поселки городского типа Дятлово, Радошковичи, Старобин, Узда и деревни Луговая, Тимковичи, Будслав, Узляны, Шацк, Чернавчицы и Деречин. По утверждению автора книги, памятники и памятные доски были установлены в местах гибели евреев, однако это не следует ни из контекста, в котором приводится информация, ни из источников, на которые ссылается автор. Нигде в книге не говорится и о том, что инициаторами установки знаков и досок были евреи. См.: Марат Ботвинник, *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск: Беларуская навука, 2000. С. 32–36, 43, 48, 55, 60–61, 68–69, 72–74, 77, 79, 81, 87, 89, 91–93, 96, 98, 111, 113, 117–118, 120, 135–136, 252, 257, 259, 271–272.

²⁵ Отчет уполномоченного СДРК в Белоруссии за третий квартал 1946 года: НАРБ.

на русском языке и на идише был установлен, члены общины обратились к властям с просьбой разрешить провести церемонию торжественного открытия в августе 1946 года. Власти ответили отказом, аргументировав его тем, что на этом месте погибли не только евреи и не только религиозные евреи, и религиозная община не может выступать от их имени. Несмотря на отказ, община все же устроила церемонию открытия памятника, и весьма многолюдную²⁶.

В ноябре – декабре 1945 года поставить памятник жертвам Холокоста попытались в городе Червень Минской области. Накануне Второй мировой войны в Червене проживал 1 491 еврей; большинство из них были убиты нацистами. После освобождения города Красной Армией в начале июля 1944 года туда вернулись десятки еврейских семей; они организовали миньян и назначили раввина. Члены миньяна считали своим долгом увековечить память евреев, уничтоженных во время оккупации. Они хотели не только поставить памятник, но и выгравировать на нем имена всех погибших, следуя изречению «У каждого человека есть имя», и их возраст. Для сбора данных о жертвах они обратились к выходцам из Червеня, проживавшим в различных городах Белоруссии и даже в Москве. В этой деятельности принял участие Владимир Фундатор, московский ученый, чьи родители были убиты в Червене. Те, кто желал увековечить память близких на памятнике, должны были заплатить не меньше 300 рублей. Таким образом была собрана сумма в 15 000 рублей. На эти деньги в одной из московских литейных мастерских заказали металлические плиты с выгравированными на них именами. На каждой из плит предполагалось высечь примерно 25 имен, а сам памятник должен был состоять из сорока подобных плит (другими словами, на памятнике хотели выгравировать около 1 000 фамилий). В ходе работы над памятником организаторы столкну-

Ф. 952. Оп. 2. Д. 6. Л. 41. См. также: Shalom Holavsky, *Be-sufat ha-kilayon: yehadut Beilorusiya ha-Mizrahit be-Milhemet ha-Olam ha-Shniya* (Jerusalem: Hebrew University, Institute of Contemporary Jewry, Moreshet, 1988), p. 248. В создании памятника оказали помощь заведующий хозяйственным отделом горисполкома Наум Гунин, заведующий отделом благоустройства города Иосиф Нисенбаум и Матвей Фалькович, директор завода, подчинявшегося этому отделу. См.: Леонид Смиловицкий, *История евреев Белоруссии, 1941–1944*. Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000. С. 280.

²⁶ Отчет уполномоченного СДРК в Белоруссии за третий квартал 1946 года: НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 6. Л. 41.

лись с финансовыми трудностями, которые помешали закончить работу²⁷. 14 сентября 1946 года Владимир Фундатор обратился к председателю Еврейского антифашистского комитета Соломону Михоэлсу с письмом следующего содержания:

*Посылаю Вам фото первой плиты на могиле жертв фашизма в г. Червене... Всего будет отлито 40 штук плит. Прошу Вашего ходатайства перед Советом Министров Белорусской ССР об отпуске 30 000 р. на установку памятника на могиле жертв фашизма в г. Червень дополнительно к собранным нами 15 000 р. на изготовление указанных плит в Москве. Некоторые советуют смонтировать указанные плиты в боковую стену одного из каменных домов в самом городе Червень, а на могиле жертв фашизма установить одну плиту с общей надписью. Ваше мнение не откажите сообщить*²⁸.

Выясняется, таким образом, что вплоть до конца 1946 года инициаторы создания памятника не завершили работы над своим проектом. Не сумев собрать необходимые средства, они были вынуждены обратиться за помощью к белорусским властям. Нам неизвестно, связывался ли Соломон Михоэлс с правительством Белоруссии по этому вопросу, однако учитывая сложное, а иногда и явно враждебное отношение властей к увековечению памяти жертв Холокоста, логично предположить, что реакция на его обращение, скорее всего, была бы отрицательной. Вместе с тем эта история показывает, что евреи – жители разных городов объединялись в своих усилиях увековечить память жертв; религиозные круги сотрудничали при этом с видными представителями советского истеблишмента.

В местечке Речица Гомельской области проживали накануне войны более 7 000 евреев, – около четверти местного населения. После освобождения туда вернулись лишь несколько десятков еврейских семей. В 1946 году на местном еврейском кладбище было установлено кирпичное надгробие в память погибших²⁹.

²⁷ Леонид Смиловицкий, «Это было в Червене» // *Евреи Беларуси: история и культура*. Минск: Белорусское объединение еврейских организаций и общин, 1998. Т. 3–4. С. 223–231.

²⁸ Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН, Иерусалим). P166. См. также: Mordechai Altschuler, "The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR in Light of New Documentation" // *Studies in Contemporary Jewry*, № 1 (1984), pp. 280–281.

²⁹ Смиловицкий, *История евреев Белоруссии*. С. 268.

Немногочисленные евреи, возвратившиеся в город Глубокое той же области, сумели поставить на могиле убитых памятник с надписью на идише³⁰.

В те же самые годы попытки увековечения памяти жертв Холокоста предпринимались по меньшей мере в пятнадцати городах и местечках в различных частях Украины, в том числе на территориях, аннексированных Советским Союзом во время Второй мировой войны, – во Львовской, Каменец-Подольской (ныне Хмельницкая) и Черновицкой областях.

В начале 1947 года глава львовской религиозной общины Лев Израилевич Серебряный предложил «установить монументальный памятник в Песках, где десятки тысяч евреев Львова были расстреляны гитлеровцами»³¹. На общем собрании общины было решено: «В 1947 году... установить памятник на братской могиле жертв фашизма, похороненных в Песках»³². Решение это, однако, не было реализовано на практике, так как спустя примерно три недели (25 марта) председатель общины был арестован; его обвинили в содействии нелегальной эмиграции евреев в Палестину, и после этого идея памятника более не обсуждалась. В Тернополе по инициативе раввина Хаима Давидовича Клейпера, приехавшего из Львова, был организован сбор средств среди евреев города. На собранные деньги на могиле жертв Холокоста установили памятник с надписями на русском языке и на идише: «Вечная память и слава евреям, убитым немецкими фашистами». В церемонии открытия памятника, состоявшейся в октябре 1946 года, приняли участие официальные представители горсовета; секретарь горкома партии выступил с речью³³. В местечке Шепетовка Каменец-Подольской области накануне войны проживали около 5 000 евреев, – около 20% от численности местного населения. Большинство из них были уничтожены нацистами, а немногие

³⁰ Gitelman, *A Century of Ambivalence*, p. 189.

³¹ Отчет председателя общины Серебряного от 5 июня 1947 года: ЦГАВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 33. Л. 138.

³² Михаил Мицель (ред.), *Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов: 1945–1981 гг.)*. Киев: Библиотека Института Иудаїки, 1998. С. 180.

³³ Отчет СДРК по Украине за последний квартал 1946 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 61–62; Отчет о еврейской религиозной деятельности на Украине от 25 июля 1947 года: там же. Л. 132; Краткий обзор еврейской религии за 1949 год: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3а. Д. 61. Л. 160. См. также: *Pinkas ha-kehilot Polin – Galiziya ha-Mizrahit* (Jerusalem: Yad Vashem, 1980), p. 251.

уцелевшие уехали в Польшу. Горстка евреев, оставшихся в городе, была не в состоянии поставить памятник, однако в 1946 году сообщалось, что «братские могилы, где расстреляно немцами 26 000 человек евреев и других национальностей... приведены в 1946 году в хороший порядок, над ямами сделаны насыпи и [ямы] огорожены железной оградой силами верующих евреев»³⁴.

В Черновцах, где после войны несколько религиозных общин соперничали между собой в различных областях деятельности, попытка поставить памятник жертвам Холокоста объединила общины. После того как в 1945–1946 годах большинство черновицких евреев уехали в Румынию, в город переехали евреи из других регионов Советского Союза, и новая еврейская община, едва образовавшись, решила установить памятник жертвам Холокоста. Община обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов и попросила разрешения установить памятник на месте казни евреев в 1941 году; предполагалось собрать пожертвования на памятник среди жителей города. Уполномоченный областного Совета в растерянности обратился к своему непосредственному начальнику в Киеве, который ответил, что на указанном месте были убиты советские граждане, и поэтому установка памятника является делом всего населения города, а не специфически еврейской проблемой, и следует категорически запретить собирать в синагогах деньги на создание памятника³⁵.

Так же отреагировали власти на инициативу религиозной общины Прилук Черниговской области. Община просила у городских властей официального разрешения провести сбор пожертвований («кружечный сбор») на установку памятника жертвам Холокоста. Община также попросила разрешить ей устроить массовый митинг по случаю открытия памятника, сообщив в прессе о предстоящей церемонии. Местные служащие, либо не зная точно, как следует реагировать на эту просьбу, либо пытаясь уклониться от ответственности, попросили указаний из Киева и получили ответ, гласивший, что установка памятников на могилах жертв немецкого фашизма является делом горсовета, а не религиозной

³⁴ Докладная записка о состоянии кладбищенского хозяйства в Каменец-Подольской области (ноябрь 1946 года): ЦГАВООУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 14. Л. 20.

³⁵ Письмо уполномоченного СДРК на Украине уполномоченному СДРК в Черновицкой области от 13 сентября 1948 года: там же. Д. 50. Л. 199.

общины; горсовет может привлечь к этому всех граждан, а община не должна заниматься сооружением памятников³⁶.

Большого успеха добились немногочисленные евреи города Щорс (прежнее название – Сновск) Черниговской области. Накануне войны там проживали 1 500 евреев, что составляло 15% населения города. Лишь немногие из них вернулись в Щорс после войны. Тем не менее им, по-видимому, удалось поставить в те годы памятник жертвам Холокоста. Русско-еврейский писатель Анатолий Рыбаков так описывает в своих воспоминаниях деятельность немногочисленных евреев города:

[Инициаторы установки памятника] вместе с другими стариками ходили по дворам, пустырям, дорогам, лесам и полям, собирали в мешки останки убитых... Останки эти они захоронили в братской могиле... На братской могиле был установлен большой надгробный камень из черного гранита. На нем высечена надпись: «Вечная память жертвам немецко-фашистских захватчиков», – на русском языке. Под ней надпись на еврейском: «Веникойси, домом лой никойси...»³⁷.

Как следует из отрывка, надпись на иврите как по тексту, так и по смыслу коренным образом отличалась от надписи на русском языке. Местные власти не заметили этого различия, так как полагали, что речь идет о переводе русской надписи на идиш («еврейский язык»). Автор воспоминаний Анатолий Рыбаков тоже понял значение написанного лишь после объяснений сопровождавшего его еврея. Писатель завершил этими словами свой роман «Тяжелый песок», вызвавший большой интерес во всем мире. Чтобы выразить свои подлинные чувства, евреям приходилось прибегать ко всяческим хитростям, и иногда они даже добивались успеха.

Деятельность по увековечению памяти жертв Холокоста не прекращалась и в те годы, когда антисемитская политика режи-

³⁶ Там же. Д. 116. Л. 93–94. См. также отчет украинского СДРК за последний квартал 1946 года (ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4556. Л. 61).

³⁷ Анатолий Рыбаков, *Роман-воспоминание*. М.: Вагриус, 1997. С. 233–235. (Приведенная надпись на современном иврите читается: “Ve-nikiti damam lo nikiti”; традиционный перевод – «И отомщу Я за кровь их, еще не отмщенную» (Йоэль, 4:21). Возможно, спутники Рыбакова (или он сам) внесли намеренное искажение в библейский текст, поскольку Рыбаков переводит эти слова иначе: «Мое прощение всему, [пролитой] крови нет моего прощения». – *Примеч. ред.*).

ма достигла своего апогея (в 1948–1953 годах). В частности, малочисленное еврейское население города Первомайска при помощи местной неофициальной религиозной общины добивалось установки памятника на могиле жертв Холокоста. В 1948 году уполномоченный Совета по делам религиозных культов на Украине приказал своему подчиненному в Одесской области³⁸ разъяснить обратившимся к нему лицам, что установкой памятников занимается горсовет, а не религиозная община. Он также предложил первомайскому горсовету и одесскому облисполкому принять необходимые меры для сохранения и благоустройства мест захоронения жертв фашизма³⁹.

Такой же ответ дал уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Киеве на обращение полтавской общины с просьбой провести сбор средств на постройку памятника жертвам Холокоста⁴⁰. Религиозная община Кременчуга (Полтавская область) в 1948 году обратилась к уполномоченному Совета по делам религиозных культов и к городским властям с просьбой разрешить ей провести специальный сбор пожертвований для этой же цели. В обращении подчеркивалось, что «каждый еврей должен принять участие в установке этого исторического памятника» и что после получения разрешения горсовета будут напечатаны специальные квитанции с указанием: «Сбор средств на установку памятника на могилах евреев, убитых гитлеровскими варварами». Инициаторы обещали заказать проект памятника у главного архитектора города. Предполагалось, что на памятнике будет высечена надпись на еврейском (то есть, вероятно, на идише) и русском языках⁴¹. Из Киева был получен ответ следующего содержания:

Вопрос об установке памятника на могиле жертв погибших от рук немецких фашистов входит в компетенцию органов Советской власти на месте. Здесь нужно особенно подчеркнуть то обстоятельство, что в числе замученных

³⁸ См.: John Anderson, "The Council for Religious Affairs and the Shaping of Soviet Religious Policy" // *Soviet Studies*, vol. 43, № 4 (1991), pp. 689–710.

³⁹ Письмо уполномоченного СДРК на Украине уполномоченному СДРК в Одесской области от 8 июля 1948 года: ЦГАВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 50. Л. 45.

⁴⁰ Письмо уполномоченного СДРК на Украине уполномоченному СДРК в Полтаве от 21 июля 1948 года: там же. Д. 50. Л. 71.

⁴¹ Письмо общины Кременчуга в горсовет: там же. Л. 73.

*советских граждан имеются не только евреи, но и украинцы, русские и другие. Следовательно, вопрос установления памятника является вопросом всего населения гор. Кременчуга*⁴².

В отличие от общины Кременчуга, небольшая еврейская община в Лубнах Полтавской области ограничилась более скромной просьбой. Ее представители просили, чтобы неухоженное место захоронения жертв Холокоста было передано под управление общины. Председатель общины и раввин Лейб Моисеевич Гринберг обратились в горсовет с просьбой разрешить общине убрать братскую могилу трех тысяч евреев города, которые были расстреляны возле лубненского пенькозавода. Вначале местные власти положительно откликнулись на эту просьбу, однако затем в дело вмешался уполномоченный Совета по делам религиозных культов в области и выразил свое категорическое несогласие с таким решением⁴³. И все же раввину удалось добиться, чтобы вокруг этого участка земли был устроен ров, который и стал своего рода памятным знаком. Участок очистили от мусора, и община продолжала заботиться о нем в течение многих лет. В 1953 году раввин города свидетельствовал: «Никто из евреев, у которых кто-то из близких погиб в это время (*во время Холокоста* – М. А.), не отказывает; каждый всегда дает нам какую-нибудь сумму». Он также отмечал, что в праздничные дни родственники погибших приезжают из Москвы, Ленинграда и других городов и собирают деньги на уборку и содержание места захоронения⁴⁴. В Умани заботу о месте казни более десяти тысячи евреев к северу от города также взяла на себя местная община. Комиссия по расследованию нацистских преступлений на оккупированной территории, по-видимому, в начале 1944 года установила, что в Сухом Яру были заживо сожжены около 13 000 евреев⁴⁵. Место захоронения

⁴² Письмо уполномоченного СДРК в Киеве по вопросу об установке памятника жертвам Холокоста в Кременчуге от 6 августа 1948 года: там же. Л. 74.

⁴³ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за август – октябрь 1946 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4555. Л. 391.

⁴⁴ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за 1953 год: там же. Д. 3531. Л. 33.

⁴⁵ Архив Яд Вашем. М-52/14. Л. 2. Об уничтожении евреев в Умани см.: *Неизвестная Черная книга*. С. 184–196. См. также: R. Tager, "A geveinlekher tog" // *Folks-Shtime* (Варшава), Мау 10, 1958; М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский (ред.), *Советские евреи пишут Илье Эренбургу*. Иерусалим: Яд Вашем, 1993. С. 148–149, 228–229.

оставалось неухоженным и после окончания войны; горсовет, который по закону должен был заботиться о его благоустройстве, пренебрегал своими обязанностями, о чем и сообщалось в отчете Совета по делам религиозных культов.

В Сухом Яру, сообщал отчет, где немцы казнили 18 000 «советских граждан» (большинство из которых были евреями), братская могила была благоустроена не по распоряжению горсовета, а по инициативе местной религиозной общины, ее силами и за ее счет. Община также поставила вопрос об установке на месте памятника. Уже подготовлен проект, говорилось в отчете, определен бюджет и собраны строительные материалы; ныне, в 1947 году, проходит кампания по сбору дополнительных средств, – горсовет же смотрит на всю эту деятельность со стороны⁴⁶.

Инициатива установки памятника жертвам Холокоста в главном городе Днепропетровской области демонстрирует, каким образом общины пытались использовать противоречия между различными органами советской власти, чтобы добиться осуществления своих планов. Особенно настойчив был заместитель председателя общины Шульман. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Днепропетровской области возражал против этой инициативы, используя избитый довод, согласно которому «это (установка памятников – М. А.) не входит в компетенцию религиозной общины, и среди расстрелянных были не только евреи». Шульман, однако, ни на минуту не прекращал своих усилий; воспользовавшись моментом, когда уполномоченного не было в городе, он получил разрешение на возведение памятника в строительном отделе горисполкома и даже заказал макет. Уполномоченный Совета пожаловался на поведение сотрудников исполкома, подчеркнув, что Шульман,

заручившись поддержкой некоторых руководящих работников на сооружение памятника, приступил к сбору средств для этой цели. В порядке осуществления своих планов Шульман успел договориться с группой артистов евреев о постановке спектакля в фонд сооружения памятника, и директор театра им. Шевченко дал ему согласие на предоставление театра для спектакля. В

⁴⁶ Отчет о состоянии кладбищ на Украине и в РСФСР за июнь 1947 года: НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

*городском лекторском бюро Шульман договорился об организации платной лекции о Палестине в одном из театров или клубе гор. Днепропетровска*⁴⁷.

Заместитель председателя горсовета горячо поддержал план Шульмана и даже приказал местному горкомхозу помочь в установке памятника. Горсовет также выдал инициаторам проекта требуемые справки.

18 ноября 1948 года Шульман со всеми необходимыми документами явился на дом к уполномоченному Совета по делам религиозных культов в Днепропетровской области, надеясь получить у него согласие на установку памятника. Однако уполномоченный обратился в горком партии с жалобой на «недопустимое поведение горсовета в этом вопросе». Между днепропетровским горсоветом и представителем центральной власти (Совета по делам религиозных культов) возникли трения; арбитром должен был стать горком партии. Представители горкома поддержали Совет по делам религиозных культов и осудили горсовет за «утрату политической бдительности». Несколько сотрудников горсовета были уволены, а некоторых из них даже исключили из партии. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов снял с должностей заместителя председателя религиозной общины Шульмана и поддерживавшего его раввина общины. Опасаясь ареста, оба уехали из города в 1950 году. Шульман переехал в Новосибирск, а раввин – в Ленинград⁴⁸. Попытка увековечения памяти жертв Холокоста в Днепропетровске указывает на упорное стремление евреев добиться установки памятника. При этом инициаторы максимально использовали в своих целях отсутствие четких и однозначных указаний, запрещавших подобную деятельность.

В Житомирской области попытки увековечить память жертв Холокоста предпринимались, по-видимому, в двух городах. В Новограде-Волыньском эти попытки выглядели довольно скромно: члены общины привели в порядок четыре братские могилы, окружили их забором и поставили надгробные памятники с над-

⁴⁷ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за октябрь – декабрь 1948 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5667. Л. 59–60; Памятная записка о деятельности служителей культа за апрель 1949 года: там же. Л. 92–93; Отчет о еврейской религии в СССР от 18 марта 1949 года: ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 23. Л. 31–32.

⁴⁸ Там же.

писью по-русски и «по-еврейски», то есть на идише⁴⁹. В Бердичеве же местная община в течение пятнадцати лет добивалась разрешения установить памятник на месте захоронения жертв Холокоста.

Большинство евреев Бердичева и окрестностей были уничтожены на дороге, ведущей к селу Романовка, поблизости от военного аэродрома, в четырех километрах от города⁵⁰. Возродившись вскоре после освобождения города, еврейская община начала работу по созданию памятника на месте убийства. Городские и военные власти возражали против предложенного общиной плана, и в 1946 году от председателя религиозной общины Метлера потребовали прекратить любые попытки поставить памятник. Метлер, однако, с гордостью заявил: «Я действовал ради верующих и ради всех евреев... Мы в любом случае поставим... памятники жертвам фашизма»⁵¹. Поскольку поставить памятник на месте казни не разрешили, евреи Бердичева воздвигли несколько символических надгробий жертв Холокоста на городском еврейском кладбище. При этом они не отказались от намерения установить памятник на месте казни и продолжали добиваться этого в конце 40-х и начале 50-х годов⁵². В начале 1953 года (во время «дела врачей», то есть как раз когда антисемитская политика властей достигла своего апогея) общине после великих усилий все же удалось воздвигнуть на месте захоронения памятный знак, однако спустя короткое время он исчез⁵³. После смерти Сталина еврейская община возобновила свои усилия по установке памятника. В середине 50-х годов был возобновлен сбор пожертвований. Жертвовали и евреи, проживавшие в то время в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах. Памятник с надписью на иврите или идише (в документах говорится

⁴⁹ Отчет о еврейской общине Новограда-Волынского от 2 марта 1948 года: ЦГАОВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 37. Л. 38.

⁵⁰ J. Garrard, C. Garrard, *The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman* (New York: The Free Press, 1996), pp. 175–176.

⁵¹ Отчет уполномоченного СДРК на Украине за август – октябрь 1946 года: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4555. Л. 392; Отчет уполномоченного СДРК в Житомирской области о его поездке в Бердичев в 1949 году: ЦГАОВОУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 65. Л. 22.

⁵² Там же. Л. 21–28.

⁵³ С. Елисаветский, «Бердичев – от возникновения еврейской общины до наших дней» // *Штетл як феномен єврейської історії*. Київ: Інститут Іудаїки, 1999. С. 44.

о «еврейском языке», что может быть истолковано двояко) был заказан на камнерезном заводе (благодаря содействию директора завода Месиса). Русская надпись, также выгравированная на памятнике, гласила: «Здесь покоятся тела местных жителей и военнопленных, зверски расстрелянных гитлеровскими фашистами в 1941–1942 годах». Таким образом, надпись на памятнике (по меньшей мере, ее русский вариант) не указывала, что большинство погибших были евреями, – на это намекали лишь ивритские буквы. Стоимость изготовления и установки памятника оценивалась в 20 000 – 25 000 рублей. Очевидно, община располагала требуемыми средствами.

Наученные горьким опытом начала 50-х годов, члены общины на этот раз постарались получить официальное разрешение властей на установку памятника вблизи аэродрома. Несколько офицеров из воинской части, ответственной за работу аэродрома, были приглашены посетить завод, на котором изготавливался памятник. Можно предположить, что они также получили какие-то подарки. Наконец памятник был изготовлен; члены общины полагали, что на этот раз их просьба будет удовлетворена. В мае 1958 года председатель общины, Исаак Абрамович Хмельницкий, обратился в штаб части с просьбой разрешить общине установить памятник и провести публичную церемонию его открытия. Заместитель командира части не хотел брать ответственность на себя и послал соответствующий запрос заведующему отделом планирования горисполкома. В полученном им ответе подчеркивалось, что памятники павшим во время Великой Отечественной войны устанавливаются на кладбищах, а не в общественных местах. Родственники имеют право перенести останки своих близких из братских могил в новые могилы на этих кладбищах. Этот ответ, разумеется, не удовлетворил евреев Бердичева; они воспользовались своими обширными личными связями, чтобы убедить командира дивизии Магерина, которому подчинялся аэродром, дать соответствующее разрешение. В частности, они задействовали для этого бывшего начальника тыла 32-й дивизии Спивака, который во время войны дружил с отцом коменданта аэродрома. Сложная операция, в которой приняли участие многие евреи города, казалась успешной: командир дивизии приказал разрешить установить памятник на территории аэродрома. Его решение внушало надежду; церемонию открытия назначили на

2 июня 1958 года между десятью и двенадцатью часами дня. Члены общины также связались с городским управлением транспорта, которое согласилось выделить на нужды участников несколько автобусов. Программа предусматривала, что на церемонии выступят с речами несколько членов общины и представители властей. Однако в последний момент, по-видимому, вмешательство местного руководства или киевских властей нарушило планы организаторов. Установку памятника запретили, а некоторые участники кампании (прежде всего Спивак) были вызваны для разбирательства в горком партии и подверглись взысканию⁵⁴. Поскольку установить памятник на месте казни не представлялось возможным, его поставили на местном еврейском кладбище⁵⁵, а место казни оставалось в запустении вплоть до 1990-х годов⁵⁶.

Итак, евреи Бердичева боролись за установку памятника на могилах своих близких, погибших во время Холокоста, в течение пятнадцати лет. В этой продолжительной борьбе участвовали представители различных общественных слоев; несомненно, она оставила глубокий след в сердцах многих евреев.

Заключение

В наши дни, когда организации, муниципальные учреждения и даже правительства стран Европы и США занимаются увековечением памяти о Холокосте и установкой памятников его жертвам, мы обязаны помнить, как тысячи евреев в течение долгих лет неутомимо боролись за сохранение этой памяти в Советском Союзе, нередко преодолевая сопротивление властей.

Первичный материал, содержащийся в настоящей статье, со всей ясностью демонстрирует, что, подобно евреям большинства стран Восточной Европы, евреи СССР чувствовали острую необходимость увековечить память жертв. Интенсивная деятельность в этой области продолжалась многие годы и не прекратилась даже

⁵⁴ Выйдя с заседания горкома по его делу, Спивак сказал окружившим его людям: «Не беспокойтесь о мертвых, спасайте живых» (Государственный архив Житомирской области. Ф. Р-4954. Оп. 4а. Д. 3. Л. 40).

⁵⁵ Отчет СДРК по Житомирской области за 1958 год: там же. Л. 37–40.

⁵⁶ На фотографии, сделанной в 1991 году, место выглядит запущенным: в открытом поле виден лежащий памятник со звездой Давида. См.: Gargard, *Bones of Berdichev*, p. 247.

в последние годы правления Сталина. Хотя работа по увековечению велась от имени религиозных общин или связанных с ними людей, в ней принимали участие представители самых широких слоев еврейства; вероятно, именно в этом и заключалась причина упорного сопротивления властей любым попыткам проведения публичных мемориальных церемоний и установки памятников.

Религиозные общины, как и государственные органы, хорошо понимали, насколько важна работа по увековечению памяти о Холокосте. Члены общин осознавали, что она выходит за рамки чисто религиозной сферы и способна объединить еврейское общество в целом, включая тех, кто далек от религии и даже враждебен ей. Этот аспект не ускользнул от внимания властей, которые справедливо полагали, что деятельность подобного рода способствует укреплению коллективного еврейского национального самосознания. И действительно, памятники или приведенные в порядок могилы часто превращались в объект паломничества евреев и их семей⁵⁷. Увековечение памяти жертв стало, таким образом, объединяющим фактором, что противоречило политике атомизации еврейства, которую проводил в те годы советский режим.

В отличие от других стран Восточной Европы (включая коммунистические государства), в которых сопротивление увековечению памяти о Холокосте не носило активного характера, евреям Советского Союза приходилось не только прикладывать значительные усилия, чтобы собрать средства в отсутствие какой-либо помощи извне, но и маневрировать между различными органами государственной власти, чтобы осуществить хотя бы часть своих планов. Их труды зачастую оказывались бесплодными; однако приведенный материал показывает, какую важность придавали советские евреи увековечению памяти о Холокосте.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как
"Jewish Holocaust Commemoration Activity in the USSR under Stalin"
в Yad Vashem Studies, том 30 (2002) pp. 221-240.
Перевод с иврита Бенциона Дымерского.*

⁵⁷ Фотографии таких собраний, происходивших, по-видимому, в первые годы после войны (как свидетельствует стиль одежды участников) возле Житомира и Ровно на Украине, см.: Gitelman, *A Century of Ambivalence*, p. 184; Idem, "The Soviet Politics", p. 146.